

МИХАИЛ СЕВЕРИН

ХОРОШИЕ НОВОСТИ

В ЛЮБОЙ СИТУАЦИИ
ЕСТЬ ПОВОД ДЛЯ ОТЧЁТА

Михаил Северин

Хорошие новости

<https://litres.ru/74432857>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сломанный холодильник — это выведенное из эксплуатации оборудование первого поколения. Крысы на складе — взаимодействие с фауной прилегающих территорий. Драка грузчиков — неформальная коммуникация с выходом на конструктив.

Провалившийся пол — естественная интеграция товарных остатков в структуру здания.

За каждую такую строчку в этой торговой сети платят две тысячи рублей. И пишут теперь все: директора, кассиры, грузчики, сторожа.

Работать, правда, стало некому.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Михаил Северин

Хорошие новости

Пролог

В два часа ночи в бакалее третьего филиала «Вертикали», того, что на Вокзальной, провалился пол.

Готовилось это давно и без нервов. Перекрытие тут заливали в семьдесят восьмом под овощебазу, овощебаза со-рок лет держала на себе капусту в сетках и ни разу не пожаловалась, а потом пришли новые времена и поставили над ней три яруса консервированного горошка. Бетон думал над этим восемь лет и ответил ночью, когда в зале не было ни души, из чего видно, что воспитан он был лучше многих.

Оксана Дмитриевна стояла на краю пролома три на два метра и светила вниз телефоном. Внизу, в песке и щебёнке, лежал опрокинутый стеллаж, из лопнувших коробок раскатились банки и ловили жестяными боками луч, а ещё ниже прибывала вода из перебитой трубы, не спеша, с полным сознанием того, что до утра успеет.

Сторож Петрович держался с фонарём в трёх шагах — там, где человек ещё свидетель, но уже никак не виноватый.

— Вызывать кого?

— Утром.

— Воду я перекрыл, — доложил Петрович. — И электричество снял, как услышал.

До утреннего отчёта оставалось пять часов. Такие вещи пишут сразу, пока стоишь над ними и всё видишь, а не утром на свежую голову, когда голова начинает задавать вопросы.

Оксана Дмитриевна открыла в телефоне форму и напечатала первое, что подвернулось.

«Обрушение пола в бакалее».

Строчка вышла честная, и в ней стояло всё сразу — и пол, и обрушение, и бакалея, и человек, при котором это случилось. Она подержала её на экране, вспомнила, что за машину осталось внести два платежа, и стёрла.

«Авария перекрытия, товар уничтожен».

Эта продержалась дольше. Слово потехничнее, вина размазана по строительным конструкциям, про горошек сказано с уважением к утрате. Не годилась и эта. Уничтоженный товар в семь утра читается наверху уничтоженной премией.

— Оксана Дмитриевна, — окликнул Петрович. — А напишите, что обрушения нет.

— Как это нет, когда вот оно.

— Так его и нету. — Петрович опустил луч в пролом. — Пол на месте. Он теперь ниже, и всё.

Она оторвалась от экрана.

— Ты чего это?

— Так я подать хочу. — Петрович переступил с ноги на ногу. — Мне девчата говорили, за приличное слово восемь

тысяч дают, а за самое лучшее двенадцать. У меня внучке на секцию надо, полторы в месяц.

— Ты сторож.

— Так с сентября всем можно. В бумаге прописано, писать любой сотрудник может.

И Оксана Дмитриевна стёрла написанное, перехватила телефон поудобнее и вывела замёрзшими пальцами, разборчиво, без единой пометки, как выводят под диктовку выше.

«Произошла естественная интеграция товарных остатков в структуру здания. Внедряется альтернативная схема прохода покупателей».

Перечитала. Пол в этой строчке никуда не падал, горошек никуда не девался, покупатель получал новый маршрут, и придраться в ней оказалось не к чему ни одним словом.

Отправила.

— Красиво, — оценил Петрович, заглянув через плечо.
— А моё?

— В следующий раз.

— Так я же первый сказал.

— Ты сторож, Петрович.

Тот посветил в пролом ещё раз, проверяя, на месте ли. Пролом был на месте. Петрович выключил фонарь.

А Оксана Дмитриевна сделала шаг назад, чтобы не промочить ноги.

Глава 1

Телефон дёрнулся на полке в половине восьмого, когда Егор Соколов вёл бритвой под кадыком. На экране горели две буквы, «С. М.», и был это не контакт, а метеорологическое явление, известное в «Вертикали» решительно всем, от финансового директора до грузчика на приёмке. Знали о нём все одно — в половине восьмого утра эти буквы не загораются к добру.

— Ты где?

— Дома ещё, Сергей Михайлович.

— Спускайся. Я во дворе.

Егор отвёл занавеску мизинцем и оставил на ней мыльную пену. Внизу, поперёк двух парковочных мест и порядочного куска газона, стоял внедорожник, поставленный так, как ставят машину люди, которым по этому поводу никто и никогда ничего не скажет. За рулём сидел Михалыч сам. Коля возил его восемь лет и стоял в распорядке наравне с утренним чаем, а этим утром распорядок отменили вместе с Колей, и одно это сообщало о положении дел больше, чем любая сводка.

Егор полоснул бритвой, коротко высказался о своей жизни, зажал порез и спустился за две минуты, показав результат, недостижимый для него со студенческих лет.

В салоне пахло кофе с круглосуточной заправки и мокрой резиной. Михалыч тронулся, не дожидаясь, пока пассажир

справится с ремнём, и свернул во дворы, где местные ездят напрямик с детства и где чужой человек непременно упрётся в шламбаум или в песочницу.

— Куда едем?

— Смотреть.

До третьего светофора он не проронил ни слова. Поймал станцию, выслушал бодрого диктора, сулившего городу к обеду плюс двадцать восемь без осадков, и выключил его на полуслове.

Тишина в машине немедленно занялась делом. Она напомнила Егору, что в одиннадцать у него совещание по накладным расходам, а в майской выкладке финансовой службы отдел корпоративных коммуникаций стоит первой строкой сверху — в том разделе, который называется нейтрально, а читается однозначно.

Михалыч, не глядя, протянул ему телефон.

Недостача. Срыв поставки. Поломка. Взыскания, четыре человека. Отклонение по плану продаж, отклонение по срокам приёмки. Течь в Кузнецове, повторно. Егор листал вниз, ожидая, когда это кончится, но составлял документ человек добросовестный, а добросовестность в отчётности не знает жалости.

— Это сводная за сутки.

— Это, Егор, три года подряд. — Он перестроился без поворотника, и сзади ему посигналили длинно, с душой. — Двадцать восемь магазинов. Четыре с половиной тысячи че-

ловек. И каждое утро мне докладывают, какие мы бездари.

За окном шло утро середины июня, и город занимался обычными своими делами. У киоска на Пролетарской стояли шестеро в спецовках, половина с кефиром, и по лицам было видно, что рабочий день начнётся не раньше, чем допьют. Мужик в оранжевом жилете сгребал у депо тополиный пух, и пух возвращался, и мужик сгребал снова, и в отношениях этих было столько взаимного уважения и столько понимания вечности задачи, что торопиться не имело смысла ни одной из сторон. У недоделанного моста с апреля лежали три бетонные плиты. За два месяца их не сдвинули ни на метр, и всякий проезжающий мог заключить, что лежат они там, где положено, и что тревожить их — только портить.

Магазин на Вокзальной занимал угол между шиномонтажом и наглухо закрытым «Всё для рыбалки». До рыбалки в этой двери сидела кожгалантерея, до кожгалантереи цветы, а ещё раньше, при рынке, там торговали обувью с раскладного стола, и обувь была единственной из всех, кто продержался тут больше трёх лет. Место в городе считалось невезучим, и мнение это держалось на четырёх подряд закрывшихся арендаторах, то есть на основании более прочном, чем у иных научных теорий. Парковки при магазине хватало на девяносто машин. Егор насчитал четыре, включая ту, в которой сидел.

Заглушив мотор, Михалыч посидел, не открывая двери.

— Тут рынок стоял, — обронил он. — Вон там мясные ряды, а где нынче шины — обувь.

Потом кивнул на фасад.

— Читай.

Над входом горело «ертикаль». Буква «В» перегорела в апреле, и с той поры горожан приглашали в «ертикаль».

Заходили.

Вывеску вешали в четырнадцатом, когда сеть только приходила в город и на первый магазин денег не жалели: девять букв в полтора метра, объёмные, с внутренней подсветкой, и ставили их приезжие с автовышкой за один день. В апреле «В» погасла, и погасла не лампочка, потому что лампочек там нет, а модуль, и модуль этот стоит четыре тысячи двести и лежит на складе у подрядчика, обслуживающего вывеску по договору, а договор на текущий год не продлён, потому что тендер перенесли. Так буква «В» стала существовать сразу в трёх бумагах и ни в одной из них настолько, чтобы кто-нибудь поднялся к ней с ключом.

— Два месяца, — уронил Михалыч и вышел, хлопнув дверью так, что качнулась тяжёлая машина.

Перед входом стояла лужа. Собиралась она тут с прошлой осени, крыльцо за это время ремонтировали дважды — сперва перекладывали плитку, потом заново давали тот же уклон, — и оба раза лужа возвращалась на прежнее место с точностью до сантиметра, потому что уклон был ни при чём, а виноват ливневый колодец в четырёх метрах, забитый ещё при рынке. Зимой её посыпали песком, летом обходили, и за два года она сделалась такой же принадлежностью входа,

как турникет. Егор обошёл её по бордюру, оберегая светлые замшевые ботинки, в которых с весны не выбирался дальше переговорами.

Ринат из охраны доедал у турникета сосиску в тесте, взяв в здешней кулинарии за полцены — привилегия, которой в этом магазине дорожили больше, чем квартальной премией, потому что премию обещали, а сосиску давали. Завидев хозяина, он дожевал, обтёр ладонь о штанину и подал её первым.

— Здрасьте, Сергей Михалыч.

— Здорово. Народу-то нет.

— Так утро же, и днём не будет. У нас с четверга и по субботу так, а в воскресенье с обеда идут, но мало.

Договорив, Ринат отступил за стойку, снял с пояса рацию и повернулся к ней спиной — манёвр, при котором говорящий полагает себя невидимым, а слышно его становится вдвое лучше.

«Стоит у турникета. Со вторым».

— Слыхал? — Михалыч даже не обернулся. — Меня по рации ведут. Меня так менты когда-то вели.

Порядок этот завёлся при позапрошлом директоре, когда из центрального стали ездить с проверками по два раза в месяц, и придумал его не кто-нибудь, а начальник охраны, человек ответственный, полагавший, что предупреждённый сотрудник работает лучше внезапно застигнутого. Директор с тех пор сменился дважды, проверки почти прекратились, а

система осталась и работала безотказно, потому что за пять лет к ней привыкли все, включая тех, кого предупреждали.

Внутри пахло хлоркой, вчерашней курой-гриль и погребом. Дух этот заводится в провинциальном гипермаркете на второй год и переживает любой ремонт, всякую смену вывески и три поколения директоров. Из потолочных динамиков лезла эстрада такой неутолимой жизнерадостности, какой в зале не наблюдалось ни в одном лице, включая лица покупателей.

Из четырёх касс работала одна, и объясняла это не жадность, а арифметика высшего порядка. Три тёмные кассы в семь утра стоят компании ровно столько же, сколько три светлые, зато в отчёте по фонду оплаты труда выглядят несравненно приличнее. К единственной живой тянулись пятеро — женщина с двумя пакетами гречки, дед с кефиром, парень с энергетиком и две бабки, успевшие за это время разговориться про третью.

Кассирша сидела на маленькой подушке в цветочек, принесённой из дома, потому что казённый стул рассчитан на человека без поясницы, и подпирала рукой щёку.

— Здравствуйте, — обронил Михалыч.

— Здравсьте, — отозвалась она, ладони не отнимая, и потянулась пробивать гречку.

Он постоял над очередью, пересчитал три тёмные кассы и двинулся дальше, распрямив спину, — приехал без предупреждения, а знали о нём тут уже минуты четыре.

В овощном он помял помидоры, переложил три штуки из нижнего ряда наверх и осмотрел пальцы. Мимо провезли воду, и на поясе у грузчика захрипело.

«У овощей. Товар щупает».

Грузчик прибавил шаг и укатил за угол, не оглянувшись, ибо человек, который ничего не видел, ни за что и не отвечает, и в торговле это знали задолго до того, как её так называли.

В молочном отделе девочка в зелёном фартуке раскладывала ряженку, наклоняясь всем телом к нижней полке. Из-под плёнки глухо заговорила рация — «Даша, приём, он к тебе идёт», — но у Даши в обеих руках была ряженка, а ряженка, в отличие от начальства, портится по графику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.